

А. А. Полещук. ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В КРАСКАХ ЭПОХИ. СПб.: изд-во «Алетейя», 2018, 590 с.

DOI: 10.31857/S013038640002060-4

В истории Болгарии и двусторонних советско/российско-болгарских отношений 2018 год отмечен важными юбилейными датами. Центральное место среди них принадлежит Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., принесшей стране 140 лет назад освобождение от османского ига. Современная обстановка, безусловно, снизила «градус» торжества, которое в былые времена отмечалось куда более масштабно, чем в наши дни. Российскому человеку понять это, пожалуй, можно, а принять куда сложнее. Другая значительная дата, отмеченная большим вниманием болгарской общественности, — 100-летие окончания Великой войны, в которой Болгария воевала на стороне Центральных держав, противостояла своей освободительнице России и оказалась в лагере побежденных. Национальная катастрофа, которой завершилось для малой балканской страны участие в первом мировом кровопролитии, оставила болезненный след, став для болгар непреходящей психологической травмой.

Очень хочется, чтобы в череде памятных событий не затерялась еще одна дата — 85-летие знаменитого Лейпцигского процесса, проходившего в сентябре — декабре 1933 г. Гигантская провокация фашистских властей — поджог Рейхстага и судебный процесс в Лейпциге, задуманный как повод для идейной расправы с международным коммунизмом, закончилась бесславно. Более того, процесс стал трибуналом для гитлеровского фашизма. А главным героем и победителем на этом процессе стал болгарский революционер, коммунист Георгий Димитров. Полное драматизма противостояние с имперским судом принесло ему, без преувеличения, всемирную известность, вызвало огромный всплеск интереса к защищавшимся им идеям коммунизма. И к стране, подарившей миру столь масштабную и самобытную личность.

В болгарской историографии «димитровская» тема представлена огромным количеством работ. Их перечень включает, без преувеличения, тысячи названий. Оставляя за скобками откровенно конъюнктурные «творения», отмечу, что абсолютное большинство работ, казавшихся прежде вполне добротными, написано в старой исследовательской парадигме, на основе вытовавшихся идеологических схем и оценок, не выдержавших испытания временем. Однако современный исследователь, желающий отделить зёрна от плевел, сможет найти в этих работах немало полезного.

Что касается советского/российского «димитроведения», то ситуация представляется довольно странной, особенно если учесть роль и вклад Димитрова в развитие международного коммунистического и рабочего движения, его авторитет в советских «верхах» и, наконец, длительное пребывание в Советском Союзе. До сих пор не переведен на русский язык димитровский Дневник, хотя к настоящему времени существуют его издания на английском, французском, немецком, итальянском, турецком, греческом языках. Не доходили руки отечественных исследователей и до написания полной научной, т.е. основанной, в первую очередь, на документальных материалах, биографии болгарского лидера.

К счастью, ныне положено начало восполнению этого досадного пробела: в текущем году вышла книга журналиста и писателя А. А. Полещука, жанр которой он сам определил как «художественная биография». Данное издание отражает, помимо прочего, и то важное место, которое заняла Болгария в судьбе автора, в том числе и творческой: в течение ряда лет (1977—1983) А. А. Полещук являлся заместителем главного редактора советско-болгарского журнала «Дружба»; болгарский «след» обнаруживается и в путевых очерках — итогах многочисленных поездок автора за рубеж в бытность главным редактором журнала «Вокруг света» (1983—2000).

Исследовательский интерес А. А. Полещука к личности Г. Димитрова оформился в 1980-е годы. Вместе с болгарским журналистом Илией Николчиным была написана книга «Один год и одна жизнь» (М. 1982) — публицистическое повествование, посвященное последнему году жизни Димитрова и его уходу. В 1991 г. был завершен и первый вариант биографии, но, как считает сам автор, «к счастью», книга не увидела тогда свет. «К счастью» по той причине, что начавшаяся вскоре в России «архивная революция» открыла исследователям широкий доступ к находившимся прежде на «особом режиме хранения» документам, а печатный «бум» привел к введению в научный оборот разнообразных материалов. Все это плюс свобода авторской интерпретации создали благоприятную обстановку для подготовки оригинального исследования, лишенного привычной лакировки и отразившего неоднозначность и драматизм личности Димитрова.

К работе над новой версией биографии А. А. Полещук приступил в 2012 г., начав прак-

тически с чистого листа. Предстояло преодолеть немалые трудности, а главное — интегрировать биографические сведения, и уже проверенные, и открывшиеся, ранее неизвестные, в реконструированную и учитывающую новые оценки картину тогдашних общественно-политических реалий. Своеобразной сверхзадачей явилось намерение не ограничиваться воспроизведением жизненного пути героя, но и попытаться постичь мир его мыслей и мотивацию поступков.

Создание психологического портрета — всегда риск. Прежде всего, он связан со сложностью проникновения в глубины человеческих переживаний и размышлений, трансформировавшихся в конкретные решения и поступки. И не каждый исследователь сможет решиться на подобное. Автор рецензируемой книги решился. Одно это уже заслуживает уважения.

Включив анализ жизненного пути Димитрова в историю современного ему общества, А. А. Полешук проявил себя как сторонник интегрального подхода к написанию биографии, открывающего возможность объяснить, как, почему и при каких обстоятельствах сформировалась и действовала та или иная личность, какие внутренние и внешние факторы влияли на его поведение, по каким причинам становились определяющими.

Стремление к максимальной объективности обусловило обращение автора к первоисточникам. Им была проведена серьезная исследовательская работа в Российском государственном архиве социально-политической истории (фонд Исполкома Коминтерна) и Центральном государственном архиве Республики Болгария (фонд Г. Димитрова). Глубоко и полно освоена имеющаяся научная литература, представленная в российских и болгарских библиотеках. Представляется, что мимо внимания автора не прошло, по сути, ни одно издание, посвященное Димитрову, как и исследования, отразившие новые подходы и оценки ключевых исторических событий, современником и участником которых был болгарский лидер.

Начинается повествование с увлекательного рассказа о раннем детстве Георгия, переезде семьи в Софию, трудном быте, школьных годах. Обучение в гимназии, куда Георгия приняли после успешного окончания начальной школы, прервала болезнь отца. Гошо, как старший сын, должен был помогать семье. Поиски работы привели его в типографию «Либеральный клуб», по тем временам крупное и технически оснащенное предприятие. В типографии печатались книги, журналы и газеты, в первую очередь — материалы Либеральной партии, находившейся в оппозиции правительству. Начав со скромной должности ученика наборщика, в

16 лет Георгий уже стал подмастерьем, что дало ему возможность работать с наиболее ответственными текстами, в том числе политического характера. Через его руки проходили, в частности, статьи самого Васила Радославова, лидера болгарских либералов. Работа в типографии стала для Георгия хорошей профессиональной школой, позволив глубоко изучить условия труда и быта рабочих. Впоследствии это очень помогало в его работе в качестве секретаря профсоюза печатников. В это время происходит знакомство Димитрова с идеями социалистов: он регулярно читает газету «Рабочнически вестник», одолевает, хотя и с трудом, книгу Д. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?», под влиянием которой осознаёт необходимость переделать окружающий мир, полный несправедливостей и горя. Особенно большое впечатление произвели на молодого рабочего роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и его «безупречный герой», один из «новых людей» — Рахметов. Влияние романа ощущалось на всей дальнейшей судьбе Димитрова: к размышлениям над ним он неоднократно возвращался много позднее, и в 30-е, и в 40-е годы.

Подробно рассмотрен в книге А. А. Полешука процесс «социалистического взросления» героя. Важные вехи здесь — вступление в 1902 г. в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию (БРСДП), четкая ориентация на ее «большевистское» крыло — так называемых тесных социалистов и избрание в 1909 г. в ЦК БРСДП (т.с.). Вхождение в высокую партийную структуру застало его на посту видного функционера болгарского рабочего профсоюза (ОРСС). Как управляющий делами ОРСС он объездил всю страну, создавая ориентированные на тесняков профсоюзные секции, организуя выступления рабочих и непосредственно участвуя в стачках, направленных на улучшение условий труда, на борьбу с сокращениями рабочих мест. Свои наблюдения он регулярно излагал в газетных корреспонденциях, оттачивая навык быстро реагировать на события дня, что, несомненно, пригодилось ему впоследствии. В это время начинаются и набирают силу международные партийные контакты Димитрова. В составе делегаций тесняков он участвует в конференциях Балканской социалистической федерации в Белграде и Бухаресте.

Проанализировав этот этап жизненного пути своего героя, А. А. Полешук справедливо причисляет его к революционерам-пассионариям, людям, которые определили свой выбор — делать все для изменения и совершенствования окружающего мира, причем делать это бескорыстно, руководствуясь принципом «блага ре-

волюции — высший закон». Замечу, что такая оценка встречается в историографии впервые.

Важным рубежом в становлении Георгия Димитрова как известного в стране профсоюзного и политического деятеля стали военные годы. Две Балканские (1912, 1913), и особенно Первая мировая, войны, в которых тесняки выступили с интернационалистских позиций, за решение национального вопроса путем создания Балканской федерации, способствовали кристаллизации взглядов Димитрова по вопросу радикализации социал-демократического движения. Постепенно рос его интерес к российской социал-демократии. Но в то время он, как и другие тесняки, осуждая социалистов, голодовавших за военные кредиты и участвовавших в правительствах воюющих государств, не шел дальше лозунга мира без аннексий и контрибуций. Хотя брошюра Г. Е. Зиновьева и В. И. Ленина «Социализм и война» с большевистским лозунгом превращения войны империалистической в войну гражданскую была Димитрову знакома и тщательно изучена, он понимал, что такая постановка вопроса не отвечала условиям Болгарии. Сближение тесняков с позициями ленинской группы (Циммервальдской левой) произошло летом 1917 г. на конференции в Стокгольме. Октябрьское вооруженное восстание в России тесняки восприняли с энтузиазмом. Димитров расценил его как пролог социалистического переустройства мира, как достойный подражания пример борьбы против войны и монархии.

Значительное внимание автора привлекли грозные 1920-е годы. В период болгарской «перестройки» они явились предметом острых историографических дискуссий. А. А. Полещук разделяет мнение тех национальных историков, кто критически оценивают нейтральную позицию коммунистов во время правого переворота и свержения правительства Стамболийского в июне 1923 г. Он подчеркивает формальное отношение Высшего партийного совета (ВПС) к лозунгу IV конгресса Коминтерна о рабоче-крестьянском правительстве, выразившееся в приверженности старой идее «отрыва» крестьян от партии БЗНС и негативном отношении к возможности создания коалиции коммунистов и «земледельцев». Димитров полностью разделял оценку ВПС, согласно которой кабинет Стамболийского якобы готовился к «фашистскому походу» против коммунистов. Димитровские статьи и выступления того времени клеймят «оранжевый фашизм» (имелся в виду цвет партийного знамени БЗНС).

Нейтралистская тактика компартии в вопросе о рабоче-крестьянском правительстве противоречила оценкам Коминтерна, считавшего, что на Балканах возник очаг мировой ре-

волюции, а в Болгарии налицо революционный подъем. Руководство Коминтерна исходило из возможности, а следовательно и необходимости, под лозунгом единого антифашистского фронта установить в стране рабоче-крестьянскую власть. В соответствии с волюнтаристскими оценками надвигавшейся «второй волны» мировой революции Москва и Коминтерн навязали компартии Болгарии курс на вооруженное восстание. Васил Коларов и Георгий Димитров были вынуждены сообразовываться с установками Коминтерна; они резко меняют прежнюю позицию и на заседаниях ЦК в августе 1923 г. высказываются за вооруженное выступление. Димитров участвует и в сентябрьских заседаниях ЦК, на которых обсуждается конкретная дата восстания.

Разразившаяся трагедия 1923 г. в болгарской и советской марксистской историографии (1944—1989) получила пропагандистское название Сентябрьского восстания. Более того, за ним на долгие годы прочно закрепилась оценка как первого в мире антифашистского выступления. Хотя реально речь шла, как признает ныне историография, не о восстании, а о вооруженных бунтах, об их крестьянском, по преимуществу, характере и об индифферентности рабочих. Это принципиальное уточнение, к сожалению, ускользнуло от внимания А. А. Полещука.

Впрочем, итоги сентября не поддаются однозначной оценке. С одной стороны, в болгарском обществе возникла острая конфронтация, напоминавшая гражданскую войну, которая не стихала и в последующие два года. Это оказало свое воздействие на БКП: компартия начала терять часть своего электората, оформляясь как политическая представительница неимущих слоев болгарского общества. Отсюда проистекали легкость восприятия и твердая поддержка значительной частью коммунистов крайне левых и сектантских взглядов и, как следствие, пагубный курс на нелегальные методы борьбы и новое вооруженное восстание для захвата власти.

С другой стороны, правительство Цанкова получило возможность представить себя Западу в качестве борца против коммунистической угрозы и добиться смягчения некоторых военных ограничений Нейтского договора 1919 г. После парламентских выборов в ноябре 1923 г. ужесточилась внутренняя политика: были отменены все реформы кабинета БЗНС, принят Закон о защите государства, по которому запрещалась деятельность БКП и связанных с ней организаций, создающих нелегальные структуры и действующих революционными методами. Димитров и Коларов в это время считали необходимым отказаться от курса на

новое вооруженное выступление, как не соответствовавшее реальной обстановке в стране. Их позицию поддержал и Президиум Исполкома Коминтерна. Но решение запоздало: 16 апреля 1925 г. во время отпевания в Софийском храме «Святого Воскресения» убитого в городском парке боевиками-коммунистами депутата Народного собрания генерала Константина Георгиева члены Военной организации ЦК БКП взорвали купол храма. Расчет устроителей кровавой акции заключался в том, чтобы уничтожить всю правящую элиту во главе с монархом, что должно было явиться прологом восстания. Жертвами стали десятки раненых и убитых, по большей части простых прихожан. Царь Борис III, опоздавший на церковную службу, по случайности уцелел.

Эффект от покушения оказался прямо противоположным задуманному: вместо ослабления власти, она получила желанный повод для расправы со своими противниками. Не случайно именно 1925 годом историография датирует самый острый общественно-политический конфликт в новейшей истории Болгарии.

Годы, проведенные Димитровым в вынужденной эмиграции, заполнены многотрудными делами как руководителя Западно-Европейского бюро Исполкома Коминтерна, располагавшегося в Берлине. Главная задача бюро состояла в обеспечении бесперебойной связи ИККИ с зарубежными коммунистами. Объем работы колоссальный, поскольку следовало не просто «держать руку на пульсе» партийной жизни, но и вести конкретную работу по руководству компартиями (принимать решения по неотложным вопросам, проводить совещания и конференции, контролировать деятельность представителей указанных партий в Профинтерне, Крестьянском Интернационале, молодежном Коминтерне, руководить работой коммунистических фракций в массовых организациях и пр.).

Надвигающаяся угроза нацизма в Германии заставляла по-новому ставить вопрос о взаимодействии коммунистов и социалистов, о создании единого рабочего фронта не только «снизу» (это по-прежнему считалось в Коминтерне приоритетным), но и «сверху», устанавливая рабочие контакты с руководством социалистических и социал-демократических партий.

Эти идеи Димитров продолжает обдумывать, прибыв 27 февраля 1934 г. в Москву после Лейпцигского процесса. Начинается его стремительный подъем по коминтерновской карьерной лестнице. Став в мае членом Президиума ИККИ, Димитров неофициально выполняет функции руководителя штаба мировой революции. А вскоре наступает «звездный час» его деятельности, связанный с разработ-

кой концепции единого, народного и антифашистского фронта, которую он представил на VII конгрессе Коминтерна. Теоретический вклад Димитрова и значительные организационные усилия по реализации этой концепции отмечаются в историографии до настоящего времени. Фактически эту оценку разделяет и А. А. Полищук, подчеркивая в позитивном ключе произошедшую в руководстве Коминтерна «смену вех»: переход от прежних догматических призывов к мировой революции пролетариата и установлению советской власти к формулированию реалистических задач борьбы против фашизма за демократию, за создание единых, рабочих антиимпериалистических фронтов. Замечу, что метод, за который, по сути, ратовал Димитров, определялся, если можно так выразиться, «коалиционным фактором», т.е. поиском путей взаимодействия, определением сторонами пределов взаимных уступок. С учетом этого, по мнению некоторых болгарских историков, Георгий Димитров предстает как гибкий «реал-политик», готовность которого к компромиссам отнюдь не означала отказа от постоянной стратегической цели.

Пролонгирующий характер основополагающих составляющих димитровской концепции отчетливо проявился в представлениях об особых, «национальных» путях к социализму, воплощением которых стал в первой половине 40-х годов, на рубеже войны и мира, феномен народной демократии. Димитров был ее горячим и искренним протагонистом. Эти сюжеты достаточно подробно проработаны в современной историографии, а выводы внимательно учтены автором книги.

Следующий важный отрезок жизни, вплоть до возвращения на родину в ноябре 1945 г., сам Димитров определил как «помощь из Москвы», которую он оказывал болгарскому руководству в реализации программы Отечественного фронта. Формирование нового кабинета министров, подписание перемирия Болгарии с союзниками по Антигитлеровской коалиции, проведение Народного суда над виновниками вовлечения страны в войну, установление и налаживание хозяйственных связей с Советским Союзом и «новой» Югославией, замысел создания Южнославянской федерации, осложнение отношений компартии с партнерами по Отечественному фронту, острая внутривнутриполитическая борьба вокруг выборов в болгарский парламент — Народное собрание, учет внешних факторов — эти и многие другие вопросы болгарской политической «повестки дня» находятся под неусыпным вниманием Димитрова. Их объем многократно возрастает после возвращения его на родину.

В переломные 1947—1948 гг. произошла исключительно сложная для Димитрова переориентация: на повестку дня была выдвинута задача усвоения «универсальной» советской модели социализма. Народно-демократическую альтернативу, основанную на коалиционной системе власти, все более настойчиво теснила сектантско-догматическая тенденция, согласно которой дальнейшее развитие стран народной демократии не мыслилось без диктатуры пролетариата. Классовое противостояние становилось главным импульсом дальнейшего развития. Этому во многом способствовала усиливавшаяся напряженность в отношениях на международной арене, разгоравшаяся «холодная война». В политическом лексиконе появились новые понятия — «доктрина Трумэна», «план Маршалла», ставшие синонимами жесткого внешнеполитического курса США. Ответом Москвы стал курс на укрепление советской сферы влияния, выразившийся в концепции противостояния «двух лагерей». Она была провозглашена на первом совещании Коминформбюро в сентябре 1947 г. и надолго стала символом идеологической конфронтации в мире.

Перемены не могли не сказаться на атмосфере в руководстве болгарской компартии, где столкнулись разные точки зрения на темпы внедрения советской модели построения социализма. А. А. Полещук детально анализирует дискуссию на XIV пленуме партии в январе 1948 г., подчеркивая намерение Димитрова «вернуть себе право» теоретически обосновать «болгарский путь к социализму». Критикуя проявившуюся в партии «левизну», болгарский лидер фактически противостоял перспективе ускоренного копирования советской матрицы. Ныне, в исторической ретроспективе, такие расчеты Димитрова видятся наивными и нежизнеспособными. Как и другие страны «социалистического лагеря», Болгария была обречена «большевистскими темпами» копировать советский опыт. Под влиянием коминформовских установок и прямого давления Москвы на V съезде БКП в декабре 1948 г. народная демократия была объявлена «формой диктатуры пролетариата», а известная по советскому опыту триада — индустриализация, коллективизация, культурная революция — обязательной в деле социалистического преобразования. Марксизм-ленинизм утверждался в качестве первоосновы идеологической и духовной жизни общества. Фактически было покончено и с партийным плюрализмом. Вектор общественного развития Болгарии — к социализму «по Сталину» — определился ясно и четко.

Можно только догадываться о глубине переживаний Димитрова. Ведь речь шла о коренном пересмотре его представлений о многооб-

разии перехода к социалистическому будущему, о фактическом отказе от ряда принципиальных оценок, определявших во многом смысл его жизни и годы борьбы. Особенно болезненным стал разрыв с югославской компартией, осуждение Москвой Тито и необходимость следовать в фарватере советского руководства в «югославском вопросе». Не случайно личный секретарь Димитрова Неделчо Ганчовский определил его психологическое состояние в связи с югославскими делами как «большую личную драму».

Думается, можно упрекнуть автора в излишне беглом освещении позиции Димитрова в начальной фазе советско-югославского конфликта. Прежде всего по той причине, что, на мой взгляд, детали дают возможность более тонко проанализировать поведение болгарского руководителя и мотивацию его поступков. По имеющейся литературе, хорошо известной А. А. Полещуку, можно проследить определенные колебания, которые Димитров испытывал, формулируя свое отношение к развивавшемуся советско-югославскому противостоянию. Проявилось это, в частности, и в явном затягивании принятия болгарским ЦК решения в поддержку советской позиции (соответствующая резолюция Политбюро была направлена в Москву только 18 апреля 1948 г., вслед за венграми, причем работа над документом продолжалась, как отмечено в дневнике Димитрова, до последней минуты), и в желании лично встретиться с Тито и получить информацию из первых рук. К сожалению, автор не упомянул о свидетельстве М. Джиласа, многократно приводимом историками, согласно которому в коротком контакте с глазу на глаз на белградском вокзале направлявшийся в Прагу Димитров выразил югославам поддержку, пожелал «держаться», «быть твердыми». Эта история получила продолжение в ноябре 1949 г., уже после кончины Димитрова: будучи в Нью-Йорке, Джилас в одном из интервью привел этот факт, что вызвало острую реакцию в Софии и появление специального заявления Коларова и Червенкова в болгарской прессе. Вопрос, могли ли Димитров подобным образом выразить свое отношение к конфликту, остается спорным, и хотелось бы знать мнение автора на этот счет.

Думается, что исследование только выиграло бы и от более детального обоснования позиции автора в связи с македонским вопросом. Имею в виду зафиксированные в современной болгарской историографии обвинения Димитрова в «грехах» и даже прямо «предательстве» национальных интересов (вынужденная «македонизация» Пиринского края в рамках национально-культурной автономии). Конечно, точка зрения А. А. Полещука прочитывается в оценке «македонизации» как «неприглядной

истории» или как «красноречивого примера» подчинения национальных интересов политическим, но хотелось бы большей определенности. Тем более что опубликованные документы и предложенная историками их интерпретация позволяют констатировать решающую роль «советского фактора» и объясняют положение Димитрова «между Сциллой и Харибдой» (признание «болгарского характера» Пиринского края и его навязанная извне «македонизация»).

Остается неясным, по какой причине А. А. Полещук не упомянул и о некоторых трактовках причин и обстоятельств кончины Димитрова. Ведь немалая часть болгарского общества убеждена ныне в его насильственной смерти. Безапелляционные заключения на этот счет можно встретить и у нас. Один российский автор, например, отнес «случай» Димитрова к 200 знаменитым отравлениям в истории человеческой цивилизации. Незадолго до разрушения мавзолея Димитрова в августе 1999 г. стали известны результаты анализов негласно взятых ранее проб его волос и головного мозга. Несмотря на разные методы исследования, результаты совпали, показав наличие ртути в большой концентрации. Спустя некоторое время под кураторством ученых Болгарской академии наук был проведен еще один, третий по счету, анализ, подтвердивший прежние оценки. Возникла версия отравления Димитрова. По свидетельству некоего полковника болгарской госбезопасности в санатории в Барвихе в письменном столе Димитрова имелись ящики с двойным дном, в которых якобы находилась ртуть. Ее пары и оказались смертоносными. Сталину, как считают многие в Болгарии, смерть Димитрова давала возможность ускорить установление полного советского контроля над страной и блокировать развитие югославского кризиса. Мотивация представляется слабой и малоубедительной, но она существует. В контексте версии отравления трактуется и чисто человеческий акт — прощальное посещение Димитрова Сталиным 25 июня 1949 г., что придает ему еще более зловещее звучание.

Завершая краткий обзор книги А. А. Полещука, замечу, что биограф всегда проживает жизнь своего героя, вольно или невольно «примеряя» его поступки на себя. При этом, восстанавливая и прослеживая чужую жизнь, автор предполагает, интерпретирует, выдвигает собственные версии, претендует на понимание логики поведения, поступков, причин выбора. Работа крайне сложная и, по большому счету, благодарная, хотя понять до конца, почему герой поступает так, а не иначе, невозможно. Всегда будет сохраняться разрыв между авторской трактовкой и тем, как это было на самом деле.

А. А. Полещук написал интересную, подталкивающую к размышлениям, умную книгу, передав драматизм эпох и на их фоне драматизм сделавшей себя личности, в судьбе которой переплелись противоречивые и судьбоносные линии политического бытия, «праведные и неправедные деяния». Личности, не избежавшей трагедий, ошибок, унижительных компромиссов, но также и пережившей моменты прекрасного духовного взлета, побед и творческого озарения. Георгий Димитров — сын своего времени, столь же противоречивого и судьбоносного. Международный масштаб этой политической фигуры и ее деятельности практически не оспаривается и сегодня, но с уточнением идейной и партийной (коммунистической) идентификации. Что касается национального масштаба, то главная мелодия его жизни прозвучала мощно: цивилизационный рывок Болгарии невозможно отрицать и бессмысленно игнорировать. И поэтому Димитрова нельзя волевым нажимом «изгнать» из болгарского прошлого, как и «уценить» связанную с ним эпоху. Трудно не согласиться с А. А. Полещуком: «Димитров еще поспорит с историей».

Т. В. Волокитина,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

И. В. Игнатченко. АДЛЬФ ТЬЕР. СУДЬБА ФРАНЦУЗСКОГО ЛИБЕРАЛА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века. М.: издательский дом «Дело», 2017, 464 с.

DOI: 10.31857/S013038640002061-5

Адольф Тьер — редкий пример личности в истории, чья политическая карьера охватила несколько противоречивых, драматичных, переломных эпох в судьбе Франции. Он прошел более чем полувековой путь — от монархии Бурбонов до Третьей республики, был свидетелем либо участником трех революций; его

идеи пережили смены правителей и политических систем страны. Во все периоды своей деятельности Тьер, несмотря на меняющиеся общественные обстоятельства, оставался верен принципам либерального государства. Как политик он неразрывно связан с фундаментальной для Франции того периода проблемой —